
**ИНТЕГРАЦИЯ
INTEGRATION**

DOI: 10.18254/S271332140013185-0

Оригинальная статья / Original Article

**ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКИХ ПРЯМЫХ ИНВЕСТИЦИЙ
НА ПРОСТРАНСТВЕ ЕАЭС И РОЛЬ СОПРЯЖЕНИЯ ИНИЦИАТИВ
ЕАЭС И “ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЯС ШЕЛКОВОГО ПУТИ”
В ИХ СТИМУЛИРОВАНИИ****О. Карманов**КАРМАНОВ Олег Игоревич (olkarmanov@gmail.com)
МГИМО, Москва, Российская Федерация

Данная статья посвящена анализу современного состояния прямых иностранных инвестиций Китая на пространстве стран Евразийского экономического союза, а также возможности их стимулирования в рамках сопряжения инициатив Евразийского экономического союза и “Экономического пояса Шелкового пути”. Автором была поставлена цель проанализировать текущую структуру китайских прямых инвестиций в ЕАЭС, перспективы их расширения, проблемные вопросы данной формы международных экономических отношений, которые необходимо решать в ближайшей временной перспективе и структурировать ключевые выводы по проделанной работе. Научная значимость данной работы обусловлена стратегической значимостью Китая во внешней политике всех стран-членов ЕАЭС, из-за чего изучение и структурирование такого аспекта отношений, как инвестиционное сотрудничество, представляет практический интерес. На сегодняшний день существует ограниченное количество работ, исследующих возможности Китая со странами ЕАЭС в вопросе движения капитала и противоречия между ними, что также обуславливает актуальность данного исследования. В работе были использованы общенаучные методы исследования, в том числе аналитические (анализ научных работ, отчетов и агрегированной статистики международных организаций) и синтетический (формирование выводов). В результате было сделано заключение о том, что для расширения объемов китайских прямых инвестиций необходимо преодолеть целый ряд проблемных аспектов, таких как: внутренние противоречия стран ЕАЭС, в частности между Казахстаном и ЕАЭС; взаимные опасения между Китаем и странами ЕАЭС; инфраструктурные и иные ограничения транспортно-транзитного потенциала ЕАЭС; еще не строго оцененная роль нового кризиса пандемии коронавируса.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, сопряжение ЕАЭС, Китай, Экономический пояс Шелкового пути, интеграция.

Для цитирования: Карманов О. Особенности китайских прямых инвестиций на пространстве ЕАЭС и роль сопряжения инициатив ЕАЭС и “Экономический пояс Шелкового пути” в их стимулировании // Евразия.Эксперт. 2020. № 3–4. С. 34–43. DOI: 10.18254/S271332140013185-0

**HIGHLIGHTS OF THE CHINESE DIRECT INVESTMENT IN THE EAEU
AND PROMOTION OF THE INVESTMENT VIA THE PAIRING
OF THE EAEU AND THE SILK ROAD ECONOMIC BELT****O. Karmanov**Oleg I. KARMANOV (olkarmanov@gmail.com)
MGIMO, Moscow, Russian Federation

This article is concerned with the analysis of current status of Chinese foreign direct investment (FDI) in EAEU as well as its stimulus capacity through the pairing of the EAEU and the Silk Road Economic Belt (SREB) initiatives. The objective of the study is to analyze the Chinese FDI in EAEU current structure, its development potential, problematic issues of this form of international economic relations, which need to be addressed in the near future agenda, and to draw an inference on the work done. The scholarly importance of the work is confirmed by the strategic importance of China in the foreign policies of all EAEU member countries, which is why the study and structuring of such an aspect of relations as investment cooperation is of practical interest. To date, there is a limited number of academic papers devoted to China and EAEU investment potential and the contradictions between them, which also determines the relevance of this study. In the work, general scientific research methods were used, including analytical (analysis of scientific papers, reports and aggregated statistics of international organizations) and synthetic (formation of conclusions) methods. As a result of the study, it was concluded that in order to expand the volume of Chinese direct investment it is necessary to overcome a number of problematic issues, such as: internal contradictions of the EAEU countries, particularly between Kazakhstan and the EAEU; mutual concerns between China and the EAEU countries; infrastructural and other restrictions on the transport and transit potential of the EAEU; the role of the new coronavirus pandemic crisis, which is yet to be assessed.

Keywords: foreign direct investment, pairing of the EAEU, China, the Silk Road Economic Belt, integration.

For citation: Karmanov O. Highlights of the Chinese direct Investment in the EAEU and Promotion of the investment via the Pairing of the EAEU and the Silk Road Economic Belt // Eurasia.Expert. 2020. Is. 3–4. P. 34–43. DOI: 10.18254/S271332140013185-0

На сегодняшний день, учитывая совокупность экономических и геополитических факторов, нельзя не отметить увеличивающуюся роль Китая для мировой экономики и для стран ЕАЭС. Несмотря на серьезные успехи и активное сотрудничество во внешней торговле (Китай является крупнейшим торговым партнером ЕАЭС, а соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве ЕАЭС и КНР считается одним из наиболее успешных примеров двусторонних соглашений ЕАЭС), другие формы экономических отношений между нашими странами развиваются в несколько более умеренном темпе. Тем не менее именно прямые инвестиции во многом характеризуют уровень интеграционного взаимодействия и доверия между странами.

Китай продолжает наращивание капитала в странах ЕАЭС, являясь лидером по данному показателю среди всех других азиатских стран. Характеристика текущего состояния прямых инвестиций Китая в ЕАЭС отражена в докладе Евразийского банка развития (ЕАБР). Так, объем накопленных ПИИ китайских ТНК в пяти странах ЕАЭС, Азербайджане, Таджикистане и Украине составил по итогам 2016 года 33,7 млрд долл., увеличившись на 12,7% по сравнению с предыдущим годом. Наибольшую долю из стран занимает Казахстан, однако последние годы неизменно растет роль России, в ней реализуется все больше китайских проектов на пространстве ЕАЭС. В части отраслевой структуры китайских ПИИ, ключевые инвестиции сосредоточены в топливно-энергетическом комплексе,

однако также растут инвестиции в химическую промышленность, металлургию, а также в строительство и машиностроение. Данная структура и тенденции во многом отражают внешнеэкономический курс Китая в регионе и его акценты, а также специфику инвестиционных интересов китайских предпринимателей за рубежом [ЕАБР, 2017].

В данном ключе особенную важность представляет понимание специфики движения китайского капитала, видение китайскими партнерами рынка ЕАЭС, их интересы с точки зрения приложения капитала, точки соприкосновения и спорные вопросы в ключе китайских ПИИ в странах объединения. В рамках работы были сформулированы следующие задачи:

1. Исследование специфики и предпосылок современной структуры китайских ПИИ в ЕАЭС.
2. Выявление точек совпадения китайских интересов и интересов ЕАЭС в вопросе китайских инвестиций, а также зоны противоречий.
3. Анализ направлений развития ПИИ, их характеристика, формулирование выводов.

Объектом исследования в данной работе стали китайские прямые инвестиции, а предметом изучения — специфика их приложения в реалиях постсоветского пространства ЕАЭС.

Говоря о прямых иностранных инвестициях в рамках работы, автор придерживался официального определения Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в соответствии

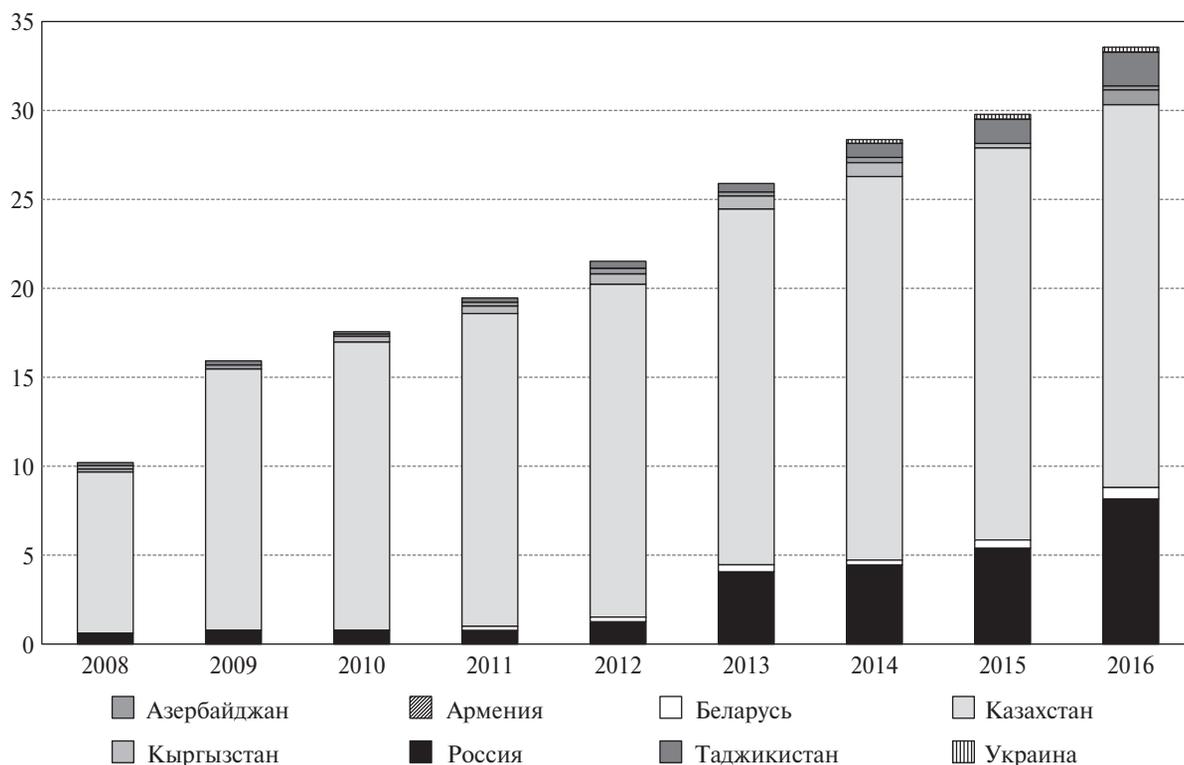

Рис. 1. Динамика китайских ПИИ в странах ЕАЭС, Азербайджане, Таджикистане и Украине в 2008–2016 годах, млрд долл.

Источник: Доклад ЕАБР (https://eabr.org/upload/iblock/252/EDB-Centre_2017_Report-47_FDI-Eurasia_RUS_1.pdf)

с которым решающими факторами, характеризующими ПИИ, являются возможность влияния на процессы принятия решений по поводу объекта инвестиций, а также инвестиции с целью извлечения долгосрочной выгоды.

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОЙ СТРУКТУРЫ КИТАЙСКИХ ПИИ В ЕАЭС

Китай в ходе своего развития стал активным экспортером капитала, в отдельные годы становясь нетто-экспортером. С точки зрения интересов китайских инвесторов за рубежом, основные стимулы вывода капитала на внешние рынки не отличаются чем-то особенным: согласно ряду исследований, инвестиции Китая за рубеж преследуют цели получения ресурсов, технологий, новых рынков сбыта, стратегических активов и диверсификации, однако существует ряд особенностей.

В первую очередь это касается влияния китайского правительства на формирование структуры и объемов прямых инвестиций из Китая, как через необходимость крупных компаний отчитываться о значимых сделках за рубежом, так и тем, что фактически крупнейшие финансовые и производственные предприятия Китая являются государственными

и должны действовать в соответствии с требованиями правительства. Из-за этого долгое время китайские инвестиции за рубеж осуществлялись только в случае, если они: стимулировали трансфер технологий, доступ к минеральным ресурсам, реализацию курсовой разницы, способствовали расширению экспорта.

Также, при осуществлении инвестиций, китайские ТНК редко ориентируются на фактор снижения издержек, поскольку с этой точки зрения их внутренний рынок был долгое время намного более привлекательным с учетом дешевой рабочей силы, земли и проч. Это позволяет сосредоточить инвестиции именно на интересующих Китай более глобальных целях, описанных выше. Примерно по этой же причине, в ходе роста благосостояния населения, снижается роль прямых инвестиций в освоении внешних рынков и конкуренции с местными производителями, либо снижается этот фактор в приоритетности при решении вопроса об инвестициях [Deng, 2004].

Можно заключить, что ключевые интересы китайских инвесторов за рубежом в первую очередь заключаются в поиске новых ресурсных баз, а также трансфере технологий. Таким образом, в развитых странах китайские инвестиции ориентируются на развитость сферы услуг, а в развивающихся — на ресурсные возможности [Huang, Wang, 2011].

Данное разбиение поддерживают и новые исследования, тем не менее в них делается вывод о переходе Китая на новые принципы прямого инвестирования. В статье Е. Араповой и Н. Даггана отмечается, что на фоне исчерпания экспортно-ориентированной модели экономического роста и перехода к модели роста на основе потребления происходят структурные изменения прямых капиталовложений Китая. Так, китайские корпорации все чаще выступают в роли полноценных покупателей иностранных компаний, а не в роли миноритарных акционеров. Растет роль обрабатывающих и технологических отраслей в сравнении с добывающими и энергетическими [Арапова, Дагган, 2020].

С общих позиций очевидно, что в разрезе отношений Китай—ЕАЭС интересы китайских инвесторов сосредоточены на ресурсном аспекте, однако современные тенденции китайских ПИИ отражают более тонкие аспекты нашего инвестиционного сотрудничества, включая геополитические интересы и более стратегические возможности инвестиционного сотрудничества.

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКУЮ СТРУКТУРУ

Географическая близость и наличие общих границ во многом определили современный характер сотрудничества Китая и ЕАЭС во всех сферах общественной жизни, в том числе и в инвестиционной.

Считается, что территориальную структуру инвестиционных отношений Китая и ЕАЭС определяют 2 ключевых фактора: сосредоточение инвестиций в добывающих отраслях, что обуславливает их размещение в ресурсных странах и регионах, а также реализация перспектив приграничного сотрудничества, обуславливающая более важное место государств с общей границей в инвестиционной политике Китая.

Тем не менее особенности территориального и регионального размещения китайских прямых инвестиций не ограничиваются только этими двумя факторами. В части более конкретных аспектов географии инвестиций, различные исследователи формировали регрессионные модели, в которых доказывали значимость для иностранных инвесторов таких факторов, как близость регионов и стран к развитым центрам (столицам) либо к периферии (пограничным регионам) [Mariev, Drapkin, Chukavkina, Rachinger, 2016], активность в инновационной деятельности и средний уровень образования в странах и регионах (на примере Уральского ФО) [Решетова, Шилков, Шорохова, 2015] и другие.

Говоря о значимости “центра” в структуре инвестиций, можно привести работу А. Кузнецова об “эффекте соседства”, в соответствии с которым наиболее тесные торговые и инвестиционные связи образуются на границах двух государств. Это происходит по многим причинам, начиная от культурной близости, исторических аспектов и заканчивая тесными предпринимательскими контактами. Учитывая также тенденцию к размещению ПИИ в столичных регионах, А. Кузнецов сформировал концепцию иерархически-волновой диффузии ПИИ, заключающейся фактически в распределении инвестиций в “центрах” и “на перифериях” [Кузнецов, 2008].

Вся вышеописанная специфика находит отражение в реальном распределении китайских ПИИ. Действительно, наиболее тесное инвестиционное сотрудничество в рамках ЕАЭС Китай осуществляет с географически близкими, а также обеспеченными ресурсами государствами, а именно с Россией и Казахстаном, причем активный рост роли первого во многом сконцентрирован не на проектах в сфере топливно-энергетического комплекса (ТЭК), а на более технологичных инвестиционных проектах. Например, в 2016 году китайский Фонд Шелкового пути приобрел 10% акций ПАО “Сибур” — крупнейшей нефтехимической компании России. Также можно отметить сделку по покупке 23.1% компании “Детский мир” Российско-Китайским инвестиционным фондом в январе 2016 года.

В Казахстане до сих пор подавляющая часть китайских ПИИ сосредоточена в нефтегазовом секторе, отдельно можно отметить соглашение о продаже 60% казахстанского банка Altyn Bank китайским инвесторам CITIC Bank и China Shuangwei Investment. Ожидается, что совместный банк будет играть центральную роль по финансированию проектов в рамках программ “Нурлы жол” и “Экономический пояс Шелкового пути”.

В Беларуси инвестиционное сотрудничество с Китаем в первую очередь сопряжено с ее участием в инициативе Китая “Экономический пояс Шелкового пути” (ЭПШП) и реализации ее транспортно- и транзитного потенциала. В рамках программы развития всестороннего стратегического партнерства КНР и Беларуси особое внимание на начальных этапах уделено развитию Китайско-Белорусского индустриального парка “Великий камень”, резидентами которого на сегодняшний день являются 60 предприятий, среди них такие китайские технологические предприятия, как Huawei и ZTE [План совместного развития Республики Беларусь и Китайской Народной Республики..., 2016].

Другим статистически значимым направлением инвестиционной деятельности Китая в Беларуси остается машиностроение. В целом к концу 2016 года в транспортном и машиностроительном комплексах сконцентрировано 34 и 27% всех накопленных китайских ПИИ в Беларуси.

Другой выдающейся точкой роста китайских инвестиций стал Таджикистан, формально не являющийся членом ЕАЭС, однако имеющий тесные связи со странами Союза и являющийся кандидатом на вступление в Союз. С 2011 по 2016 г. среднегодовой прирост китайских ПИИ в эту страну составил 55%. В основном инвестиции совершались в области цветной металлургии, однако немалую роль занимает строительный сектор и реализация ряда инфраструктурных проектов, как, например, строительство таджикского участка газопровода Туркменистан — Китай и первой очереди Нефтеперерабатывающего завода в свободной экономической зоне (СЭЗ) “Дангара” [ЕАБР, 2017].

Резюмируя, можно отметить, что специфика китайских ПИИ в ЕАЭС отражена в ее географической и отраслевой структуре, а именно в концентрации в наиболее развитых странах (России и Казахстана) в основном в области топливной энергетики. Однако существуют современные тенденции к сдвигу инвестиций в сторону более технологичных обрабатывающих отраслей, а также в расширении инвестиций в другие страны ЕАЭС, в которых Китай находит разные точки приложения капитала.

СОВПАДЕНИЯ И РАСХОЖДЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ КИТАЯ И ЕАЭС В ВОПРОСАХ ПРЯМОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ

В предыдущей главе мы во многом выявили ключевые направления Китая в вопросе прямых инвестиций на пространстве ЕАЭС, однако для объективного анализа необходимо сопоставить их с ключевыми интересами стран Союза, выявить общие точки интересов и “камни преткновения”.

Говоря о ЕАЭС как о едином объединении, одним из ключевых направлений его деятельности является реализация транзитного потенциала между Европой и Азией как для стран-участниц Союза, так и для крупнейших стран мира, к которым относятся и Китай. Главным образом, в данном ключе возникает роль ЕАЭС в качестве транзита для товаропотоков, проходящих из Китая в Европейский союз. В докладе ЕАБР о потенциале грузопотоков через ЕАЭС говорится, что с 2017 по 2020 год

объемы контейнерных перевозок КНР — ЕС выросли практически в 2 раза, чему способствовали меры по снижению сквозного тарифа, а также субсидирование китайскими властями экспортных железнодорожных перевозок. Аналитиками делается вывод об обеспеченности этого роста фактически мощностями транспортной инфраструктуры ЕАЭС и акцентируется потенциал дальнейшего роста грузопотоков. В соответствии с этим прогнозируется многократный рост, реализуемый при условии продолжения тенденции к снижению тарифов и субсидированию со стороны китайского правительства, а также при условии проведения мер по устранению инфраструктурных, таможенных и административных барьеров, а также при привлечении дополнительных инвестиций. При реализации данного сценария ожидаемый объем контейнеропотока через ЕАЭС к 2030 году может достичь 500 тыс. FEU (стандартных 40-футовых контейнеров) в год, что в 2 раза больше грузопотока на 2020 год [Транспортные коридоры Шелкового пути..., 2018].

Что касается инвестиций в данной сфере, предполагается, что их объем будет несопоставимо ниже мегапроектов, инициируемых Китаем по другим направлениям проекта Пояса и Пути. Данные инвестиции призваны точно ликвидировать узкие места транспортных узлов ЕАЭС, а также создать транспортные хабы, которые бы позволили аккумулировать товарные потоки и таким образом экономить издержки грузоотправителей.

Описанный интерес ЕАЭС с точки зрения китайских инвестиций получает свою реализацию во многом благодаря взаимодействию Китая и ЕАЭС на основе соглашения о сотрудничестве по сопряжению двух инициатив ЕАЭС и ЭПШП между Россией и КНР, которое в итоге переросло в соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР. В рамках сопряжения Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) был подготовлен перечень инфраструктурных и иных проектов, в которых будет участвовать Китай для реализации интересов сопряжения¹.

Тем не менее, говоря о фактически реализованных крупных проектах на пространстве ЕАЭС либо находящихся в стадии реализации, на сегодняшний день более-менее серьезные инвестиции в рамках Пояса и Пути сосредоточились лишь в Казахстане: речь идет о СЭЗ “Хоргос — Восточные ворота” на границе Китая и Казахстана, проект, совокупные инвестиции в который оцениваются

¹ <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2-03-2017-1.aspx>

примерно в 1,4 млрд долл. (причем доля китайских вложений в этот проект строго не определена)². На данный проект Казахстан возлагает большие надежды, он считается “окном Китая в ЕАЭС”. Почему же развитие так называемого “Евразийского коридора” в рамках ЭПШП не получает столь же активного развития в сравнении с другими направлениями этого проекта?

Ответ на данный вопрос строго не определен, на это влияет множество факторов, в том числе взаимные опасения между КНР и РФ, противоречия интересов внутри стран ЕАЭС, геополитические интересы, реализуемые Китаем посредством ЭПШП, которые входят в частичные противоречия с интересами ЕАЭС, и так далее.

Так, не приходится сомневаться в настороженных настроениях КНР по отношению к современным тенденциям укрепления российского влияния на пространстве евразийских постсоветских стран. Например, когда в 2011 году Владимир Путин опубликовал свою статью “Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня”, в которой размышлял о перспективах будущего Евразийского экономического союза, в Китае данная новость была встречена крайне настороженно, был выпущен целый ряд аналитических материалов, выражавших сомнения и опасения по поводу угроз национальным интересам Китая со стороны России. Тогда многие китайские эксперты были уверены, что главной целью данной интеграции было восстановление бывшего СССР и создание предпосылок и мер по сдерживанию Китая в этом регионе и в Центральной Азии. Сегодня многие из этих опасений по праву можно считать безосновательными. Россия и страны-члены ЕАЭС проделали очень большой путь и преодолели множество проблем на пути к созданию эффективной экономической интеграции, многие из которых еще предстоит решить, доказывая первостепенную экономическую направленность данной структуры, а не политическую. Курс современного евразийского объединения доказывает, что они не стремятся входить в противостояние с экономическими интересами Китая, напротив, ЕАЭС всюду доказывает свою перспективную значимость для Китая и его ЭПШП, выдвигая такие инициативы, как, например, “Большое Евразийское партнерство”. Тем не менее нельзя утверждать, что сегодня Китай совершенно спокойно относится к евразийской интеграции под инициативой РФ. Одна из причин заключается в том, что ЕАЭС является в некотором смысле конкурентом Шанхайской

организации сотрудничества (ШОС), в которой Китай играет ключевую роль и на базе которой осуществляет сотрудничество с приграничными странами. Усиление ЕАЭС может в какой-то степени ослабить роль ШОС в региональном сотрудничестве, что не воспринимается Китаем в позитивном ключе.

Аналогично, нельзя отрицать и взаимных опасений к Китаю со стороны стран ЕАЭС. Например, в Казахстане присутствуют негативные настроения по отношению к усилению роли Китая в экономической жизни страны, его значимой роли в топливно-энергетическом секторе Казахстана. Так, в 2016 году, после принятия поправок в земельный кодекс, сотни граждан вышли на митинг, опасаясь, что китайские предприятия станут выкупать землю на долгосрочной основе³. Также можно вспомнить недавний информационный повод, преданный крупной огласке (в первую очередь благодаря западным СМИ), о провокационной статье одного китайского издания, в которой утверждалось, что в Казахстане присутствуют серьезные настроения и желания по присоединению к Китаю⁴. Несмотря на то, что фактически статья является проходной, и она едва была замечена в Китае, поднявшееся в западном интернете и в Казахстане негодование во многом отражает современный настрой общества. В России подобные настроения сосредоточены на территориальных опасениях на Дальнем Востоке и в Забайкалье.

Другой причиной для не слишком активных темпов сопряжения двух инициатив может быть концептуальное несоответствие стратегических видений будущего этими двумя проектами. С одной стороны, ЕАЭС активно продвигает идеи глобальной евразийской интеграции, рассматривая ЭПШП в качестве инструмента усиления интеграции во всем евразийском макрорегионе. С другой стороны, видение Китаем ЭПШП может быть совершенно иным. По мнению К. Сыроежкина, «ЭПШП не является интеграционным проектом в чистом виде. Его главная цель — создание благоприятных условий для продвижения китайских товаров на рынки Центральной Азии, России, Европы, стран Ближнего и Среднего Востока. <...> в основе концепции лежит не забота о развитии промышленного потенциала стран, через которые будет проходить ЭПШП, а прежде всего — интенсивное развитие западных регионов Китая и их

³ <https://rus.azattyq.org/a/semey-aktobe-mitingi-zemelny-vopros/27701331.html>

⁴ <https://www.reuters.com/article/us-kazakhstan-china/kazakhstan-summons-chinese-ambassador-in-protest-over-article-idUSKCN21WIAH>

² <https://www.forbes.ru/biznes/373183-baraholka-s-oborotom-eu18mlrd-novaya-mekka-chelnokov>

превращение в транспортно-логистический, внешнеэкономический, а в перспективе — и финансовый хаб “Большой Центральной Азии”. Хотя в последнее время много говорится о необходимости расширения сотрудничества в реальном секторе экономики и даже о строительстве совместно с Китаем промышленных предприятий на территории государств, через которые будет проходить ЭПШП, необходимо учитывать, что Китай никогда не рассматривал их как потенциальную часть своей экономики. Центральная Азия оставалась для Китая рынком сбыта китайских товаров, источником природных ресурсов, а также транзитной территорией» [Сыроежкин, 2016].

Если же говорить не о ЕАЭС в целом, а об отдельных двусторонних отношениях между странами-участницами и Китаем и их взаимных интересах, нельзя не отметить некоторое расхождение в частных интересах отдельных стран в контексте сопряжения ЕАЭС и ЭПШП. Особенно в данном ключе можно выделить некоторый диссонанс в политике Казахстана. Так, Казахстан в гораздо большей степени заинтересован в привлечении китайских инвестиций и вовлечен в этот процесс во многом в отрыве от остальных стран-участниц Союза. Например, в 2018 году в Казахстане был открыт мультимодальный морской порт Курык на побережье Каспийского моря. Вместе с уже упомянутым проектом “Хоргос — Восточные ворота” на границе с Китаем данная инфраструктура позволит перевозить китайские товары исключительно по казахстанской территории и через Азербайджан и Грузию поставлять товары в Европу. Ожидается, что от совокупно инвестированных в евразийскую торговую инфраструктуру средств Казахстан будет получать до 5 млрд долл. в год⁵. Дальнейшее развитие транспортной инфраструктуры Казахстана будет происходить в рамках новой программы инфраструктурного развития “Нурлы жол” на 2020–2025 годы. Отмечено, что данная программа во многом состыкуется с ЭПШП и ключевые задачи ее реализации будут решаться во взаимодействии с китайским финансированием и китайскими ПИИ. К. Гаспарян считает, что для Казахстана перспектива китайской помощи в реализации данной программы перевешивает геополитические и прочие опасения, а также выдвигает на первый план интерес сопряжения инициатив “Нурлы жол” и ЭПШП, ни в коей мере не ориентируясь на более масштабное сопряжение с учетом интересов других стран ЕАЭС [Гаспарян, 2019].

Такая позиция Казахстана во многом не соответствует позициям России и ЕАЭС в целом, которые настаивают на учете интересов всех стран-участниц и реализации потенциала всех стран и интеграции национальных проектов в треугольник ЕАЭС — ЭПШП — Национальные проекты. Например, в предложенном ЕЭК перечне инфраструктурных проектов для сопряжения ключевым фактором включения проекта в список являлось отражение интересов как минимум двух стран Союза⁶.

ПЕРСПЕКТИВЫ КИТАЙСКИХ ПИИ НА ПРОСТРАНСТВЕ ЕАЭС

До сегодняшнего дня общие оценки экспертов по развитию сопряжения ЕАЭС и ЭПШП, а соответственно и темпов китайских ПИИ в регион были в общем положительными. Среди ключевых факторов, которые повлияли бы на интенсивность прямых инвестиций из Китая в ЕАЭС, автор выделил:

- снижение уровня недоверия и взаимных опасений между Китаем и странами ЕАЭС, снижение негативных настроений и повышение имиджа Китая в глазах населения, в первую очередь молодежи. Надо отметить, что в этом направлении ведется активная работа со стороны Китая: открытые программы обучения по обмену ежегодно привлекают в Китай студентов из Казахстана, России, Беларуси и со всего мира [Анохина, 2015];

- выведение на первый план диалога в формате ЕАЭС — Китай, а не отдельных двусторонних отношений, выработка единой внешней повестки стран ЕАЭС в вопросе китайских инвестиций и сопряжения с ЭПШП;

- разрешение ЕАЭС проблем, создающих ограничения для потенциала его транспортной инфраструктуры, а именно: расширение инфраструктуры в “узких местах”, как, например, на белорусско-польской границе, повышение резервов пропускной способности; повышение пропускной способности пунктов пропуска на таможенной границе, что включает в себя сокращение времени таможенных формальностей, унификация таможенной информации между Китаем и ЕАЭС, оптимизация обмена информацией путем улучшения функционирования электронного документооборота; оптимизация административно-правовых барьеров, в первую очередь в области системы оформления товарно-транспортных накладных и введения

⁵ <https://www.forbes.ru/biznes/373183-baraholka-s-oborotom-eu18-mlrd-novaya-mekka-chelnokov>

⁶ <https://www.forbes.ru/biznes/373401-kak-nam-postroit-shelkovyy-put-intervyu-s-predsedatelem-kollegii-eek>

Таблица 1. Потери стран ЕАЭС от карантинных мер

Страна	Мгновенные потери ВВП, %	Потери ВВП за год (при продолжительности ограничительных мер в один месяц), %
Республика Армения	18–27	1,5–2,2
Республика Беларусь	16–18	0,9–1,3
Республика Казахстан	19–28	1,6–2,4
Кыргызская Республика	16–24	1,3–2,0
Российская Федерация	19–24	1,6–2,0

Источник: Прогноз ЕАБР (https://eabr.org/upload/iblock/5c8/EABR_Macroview_04_2020_RU_web.pdf)

унифицированной накладной ЦИМ/СМГС [Транспортные коридоры Шелкового пути..., 2018].

Сегодня, с связи с пандемией коронавируса, данные позитивные оценки скорее всего должны быть пересмотрены, а также должен быть учтен фактор эффективности выхода стран из сложившегося кризиса. Так, согласно прогнозу ЕАБР, агрегированный ВВП стран ЕАЭС сократится на 2,2%; прогнозируется сокращение деловой активности в регионе и ускорение инфляции [Прогноз ЕАБР, 2020], ЦБ РФ дает оценку к падению выпуска ВВП в 2020 году в 4–6%⁷. По оценке Nomura Holdings, в результате коронавируса ВВП Китая сократится на 0,5% во втором квартале 2020 года⁸.

Тем не менее любые оценки на сегодняшний день носят только предварительный характер. Говоря о влиянии сегодняшнего кризиса на отношение мирового сообщества к интеграционным процессам, нельзя не отметить в будущем возможность формирования более настороженных воззрений к процессам интеграции. Коронавирус обнажил серьезные побочные эффекты сегодняшней взаимозависимости стран, что может привести к появлению запроса в обществе на ограничение роли цепочек добавленной стоимости и внешней торговли в экономиках государств.

Вопрос о том, в каком формате будет продолжаться реализация проектов ЭПШП, и будут ли они продолжаться вообще, зависит в первую очередь от эффективности, с которой Китай преодолевает сложившийся в результате пандемии негативный экономический фон, и от финансового потенциала, который останется за Китаем по итогу современных событий. Аналитики в целом позитивно оценивают меры, принятые Китаем для борьбы с коронавирусом. Сегодня Китай уже одним из первых начал снимать карантинные меры и осуществлять меры по восстановлению экономики.

Вдобавок, Китай заявляет о намерениях продолжать развивать проекты Пояса и Пути даже в условиях коронавируса⁹. Тем не менее опасения по поводу заморозки или даже свертывания проектов ЭПШП могут оказаться вполне оправданными. Например, уже сейчас существуют серьезные опасения по свертыванию мегапроекта “Китайско-Пакистанского экономического коридора”. Однако официальные лица Пакистана скорее склонны к позиции, что если проект и окажется заморожен, то в долгосрочной перспективе каких-либо серьезных изменений не произойдет¹⁰. Говоря о евразийском направлении ЭПШП через ЕАЭС, из-за фактического отсутствия крупных проектов сложно говорить о влиянии коронавируса на дальнейшее сопряжение. Тем не менее некоторые эксперты придерживаются схожего с пакистанской стороной мнения, что в долгосрочной перспективе не следует ожидать прекращения взаимного сотрудничества¹¹.

Таким образом, на основе проделанной работы были сделаны следующие выводы.

Китайский интерес с точки зрения ПИИ в ЕАЭС в первую очередь сосредоточен в ресурсной отрасли, однако существуют сдвиги в сторону обрабатывающих и более технологических отраслей, что в ближайшее время может сформироваться в устойчивый тренд. Одновременно с существующими тенденциями Китай и страны ЕАЭС имеют целый ряд общих интересов, большая часть из которых сосредоточена в развитии торгово-инвестиционного сотрудничества и транзитного потенциала ЕАЭС. Факторами сдерживания являются взаимные опасения России и Китая по поводу усиления влияния друг друга в Центральной Азии, некоторая рассогласованность в политиках стран ЕАЭС, а также концептуальные расхождения в видениях своих макропроектов ЕАЭС и ЭПШП.

⁷ <https://www.rbc.ru/economics/24/04/2020/5ea19aff9a7947282c785981>

⁸ <https://www.nomuraconnects.com/focused-thinking-posts/global-covid19-economic-outlook/>

⁹ <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7801603>

¹⁰ <https://moderndiplomacy.eu/2020/03/24/coronavirus-and-its-impact-on-the-belt-and-road/>

¹¹ http://www.ng.ru/world/2020-03-19/1_7822_china.html

В контексте дальнейшего расширения китайских ПИИ на территории ЕАЭС, ключевое и стратегическое значение играет сопряжение инициатив ЕАЭС и ЭПШП, увеличение роли ЕАЭС в качестве транзитного звена для товаров по направлению Китай — ЕАЭС — ЕС.

В свете современных событий еще строго не определенная роль нового кризиса однозначно в негативном ключе повлияет на инвестиционное взаимодействие ЕАЭС и КНР, однако сегодня трудно делать какие-либо более точные прогнозы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохина Е. Иностранцы студенты в Китае и проблемы регулирования их пребывания в стране // Вестн. Том. гос. ун-та. История. № 1 (33), сс. 65–68. — 2015, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inostrannyestudenty-v-kitae-i-problemy-regulirovaniya-ih-prebyvaniya-v-strane>
2. Арапова Е., Дагган Н. На переломе: современная трансформация модели экономического роста Китая // Валдайские записки. — 2020, URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-113/>
3. Гаспарян К. Участие Казахстана в инициативе Китая “Один пояс — Один путь” // Постсоветские исследования. № 5, сс. 1280–1291. — 2019, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-kazahstana-v-initsiative-kitaya-odin-poyas-odin-put>
4. ЕАБР Апрель 2020. Обновленный прогноз. — 2020, URL: https://eabr.org/upload/iblock/5c8/EABR_Macroviev_04_2020_RU_web.pdf
5. Кузнецов А. Прямые иностранные инвестиции: “эффект соседства” // Мировая экономика и международные отношения, № 9, сс. 40–47. — 2008, URL: https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page_id=685&id=2638
6. План совместного развития Республики Беларусь и Китайской Народной Республики на основе сопряжения стратегических программ двух стран на средне- и долгосрочные периоды. — 2016, URL: http://sov.minsk.gov.by/docs/sotrudnichestvo-s-krn/plan_sovmestnogo_razvitiya.pdf
7. Решетова Я.М., Шилков Д.Е., Шорохова И.С. Эконометрическая оценка и стимулирование факторов привлечения прямых иностранных инвестиций в Уральский федеральный округ // Вестник Уральского института экономики, управления и права, № 2 (31), сс. 39–45. — 2015, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-otsenka-i-stimulirovanie-faktorov-privlecheniya-priamyh-inostrannyh-investitsiy-v-uralskiy-federalnyy-okrug>
8. Сыроежкин К. Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП. Россия и новые государства Евразии, № 2, сс. 37–55. — 2016, URL: https://www.imemo.ru/jour/RNE/index.php?page_id=721&id=7526
9. ЦИИ ЕАБР Транспортные коридоры Шелкового пути: анализ барьеров и рекомендации по направлению инвестиций // Доклад. — 2018, URL: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/transportnye-koridory-shelkovogo-puti-analiz-barerov-i-rekomendatsii-po-napravleniyu-investitsiy/>
10. ЦИИ ЕАБР Транспортные коридоры Шелкового пути: потенциал роста грузопотоков через ЕАЭС // Доклад. — 2018, URL: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/transportnye-koridory-shelkovogo-puti-potentsial-rosta-gruzopotokov-cherez-eaes/>
11. ЦИИ ЕАБР. ЕАЭС и страны Евразийского континента: мониторинг и анализ прямых инвестиций. — 2017, доклад, URL: https://eabr.org/upload/iblock/252/EDB-Centre_2017_Report-47_FDI-Eurasia_RUS_1.pdf
12. Deng P. Outward investment by Chinese MNCs: Motivations and implications // Business horizons. Т. 47, № 3, P. 8–16. — 2004, URL: https://www.researchgate.net/publication/4885131_Outward_investment_by_Chinese_MNCs_Motivations_and_implications
13. Huang Y., Wang B. Chinese Outward Direct Investment: Is there a China Model? // China and World Economy, vol. 19, no. 4, P. 1–21. — 2011, URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/j.1749-124X.2011.01254.x>
14. Mariev O.S., Drapkin I.S., Chukavina K.V., Rachinger H. Determinants of FDI inflows: the case of Russian regions // Economy of Region, vol. 12, issue 4, P. 1244–1252. — 2016, URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85009754327&origin=inward&txGid=2f3922d374236095e0521be8cc206347>

REFERENCES

1. Anokhina E. Inostrannye studenty v Kitae i problemy regulirovaniya ikh prebyvaniya v strane // Vestn. Tom. gos. un-ta. Istoriya. № 1 (33), ss. 65–68. — 2015, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inostrannye-studenty-v-kitae-i-problemy-regulirovaniya-ih-prebyvaniya-v-strane>
2. Arapova E., Daggan N. Na perelome: sovremennaya transformatsiya modeli ehkonomicheskogo rosta Kitaya // Valdajskie zapiski — 2020, URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-113/>
3. Gasparyan K. Uchastie Kazakhstana v initsiative Kitaya “Odin poyas — Odin put” // Postsovetskie issledovaniya. № 5, ss. 1280–1291. — 2019, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-kazahstana-v-initsiative-kitaya-odin-poyas-odin-put>

4. EABR Aprel' 2020. Obnovlennyy prognoz. — 2020, URL: https://eabr.org/upload/iblock/5c8/EABR_Macroview_04_2020_RU_web.pdf
5. Kuznetsov A. Pryamyje inostrannyye investitsii: "ehffekt sosedstva" // *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, № 9, ss. 40–47. — 2008, URL: https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page_id=685&id=2638
6. Plan sovместnogo razvitiya Respubliki Belarus' i Kitajskoj Narodnoj Respubliki na osnove sopryazheniya strategicheskikh programm dvukh stran na sredne i dolgosrochnyye periody. — 2016, URL: http://sov.minsk.gov.by/docs/sotrudnichestvo-s-kr/plan_sovместnogo_razvitiya.pdf
7. Reshetova Ya.M., Shilkov D.E., Shorokhova I.S. Ehkonometricheskaya otsenka i stimulirovanie faktorov privlecheniya pryamykh inostrannykh investitsiy v Ural'skiy federal'nyy okrug // *Vestnik Ural'skogo instituta ehkonomiki, upravleniya i prava*, № 2 (31), ss. 39–45. — 2015, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonometricheskaya-otsenka-i-stimulirovanie-faktorov-privlecheniya-pryamyh-inostrannykh-investitsiy-v-uralskiy-federalnyy-okrug>
8. Syroezhkin K. Sopryazhenie EAEhS i EhPShP. Rossiya i novyye gosudarstva Evrazii, № 2, ss. 37–55. — 2016, URL: https://www.imemo.ru/jour/RNE/index.php?page_id=721&id=7526
9. TsII EABR Transportnyye koridory Shelkovogo puti: analiz bar'erov i rekomendatsii po napravleniyu investitsiy // *Doklad*. — 2018, URL: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/transportnye-koridory-shelkovogo-puti-analiz-barerov-i-rekomendatsii-po-napravleniyu-investitsiy/>
10. TsII EABR Transportnyye koridory Shelkovogo puti: potentsial rosta gruzopotokov cherez EAEhS // *Doklad*. — 2018, URL: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/transportnye-koridory-shelkovogo-puti-potentsial-rosta-gruzopotokov-cherez-eaes/>
11. TsII EABR. EAEhS i strany Evrazijskogo kontinenta: monitoring i analiz pryamykh investitsiy. — 2017, doklad, URL: https://eabr.org/upload/iblock/252/EDB-Centre_2017_Report-47_FDI-Eurasia_RUS_1.pdf
12. Deng P. Outward investment by Chinese MNCs: Motivations and implications // *Business horizons*. T. 47, № 3, P. 8–16. — 2004, URL: https://www.researchgate.net/publication/4885131_Outward_investment_by_Chinese_MNCs_Motivations_and_implications
13. Huang Y., Wang B. Chinese Outward Direct Investment: Is there a China Model? // *China and World Economy*, vol. 19, no. 4, P. 1–21. — 2011, URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/j.1749-124X.2011.01254.x>
14. Mariev O.S., Drapkin I.S., Chukavina K.V., Rachinger H. Determinants of FDI inflows: the case of Russian regions // *Economy of Region*, vol. 12, issue 4, P. 1244–1252. — 2016, URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85009754327&origin=inward&txGid=2f3922d374236095e0521be8cc206347>

Поступила в редакцию / Received 10.09.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 18.09.2020

Принята к публикации / Accepted 29.09.2020